

кальныя реформы. Кто знакомъ съ обычнымъ движеніемъ нашего законодательнаго механизма, тотъ не затруднится отнести законъ 12-го іюня къ числу экстренныхъ, спѣшныхъ; онъ напоминаетъ, въ этомъ отношеніи, законъ 9-го мая 1878 г., измѣнившій, по поводу отдѣльнаго случая, порядокъ разсмотрѣнія дѣлъ о преступленіяхъ противъ должностныхъ лицъ и противъ порядка управленія. За закономъ 9-го мая не послѣдовало другихъ ограниченій сферы дѣйствій суда присяжныхъ, хотя ихъ и требовали тогда фанатики реакціи; не послѣдуетъ ихъ, по всей вѣроятности, и за только-что обнародованными правилами. Еслибы эти правила касались только одного пункта—напр., только отвода присяжныхъ, — то можно было бы предположить, что они составляютъ часть болѣе обширнаго цѣлаго, что переменна процессуальнаго свойства служить лишь предисловіемъ къ переменамъ въ судоустройствѣ, въ организаціи суда присяжныхъ; но законъ 12-го іюня соединяетъ въ себѣ постановленія, совершенно разнородныя, измѣняющія и уставъ уголовного судопроизводства, и учрежденіе судебныхъ установленій. Ничто не мѣшало, очевидно, включить въ него и другія, дальше идущія преобразованія, еслибы они были задуманы правительствомъ. Опасность, грозившая одному изъ лучшихъ созданій прошедшаго царствованія, повидимому, миновала; судъ присяжныхъ еще разъ побѣдоносно выдержалъ напоръ враждебныхъ силъ, не могущихъ примириться съ основнымъ его принципомъ.

Въ ограниченіи права сторонъ отводить присяжныхъ (безъ объясненія причинъ) мы всегда видѣли и видимъ теперь существенную перемену къ лучшему. Единственнымъ оправданіемъ подобнаго отвода представляется то обстоятельство, что между присяжными заседателями иногда бываютъ лица, явно предрасположенныя въ пользу или противъ подсудимаго. Такихъ лицъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, не можетъ быть много, и предоставляемое каждой сторонѣ, по новому закону, право немотивированнаго отвода *трехъ* присяжныхъ — вполне достаточная гарантія противъ намѣренно-пристрастнаго отношенія къ дѣлу. Отводя присяжныхъ въ болѣе чемъ числѣ, стороны руководились до сихъ поръ, вообще, говоря, не убѣжденіемъ, что отводимыя лица составили себѣ предвзятый, односторонній взглядъ на обвиняемаго, а предположеніемъ, что они, по роду занятій, по мѣрѣ развитія, въ силу сословныхъ привычекъ или предразсудковъ, болѣе склонны, въ дѣлахъ извѣстнаго рода, къ оправданію, чѣмъ къ осужденію, или наоборотъ. Другими словами, это былъ отводъ не лицъ, а дѣлныхъ группъ или категорій—отводъ, прямо противный духу закона и вредно отзывавшійся на составѣ присутствія присяжныхъ. Вмѣсто того, чтобы